

DOI: 10.22363/2312-8313-2026-13-1-86-95

EDN: RWXRVZ

Научная статья / Research article

Демографическая типология коренных малочисленных народов России: кластерный анализ возрастной структуры

Д.В. Накисбаев¹ , А.М. Ситковский²

¹Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

²Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН), Москва, Российская Федерация
 omnistat@yandex.ru

Аннотация. Проанализирована возрастная-половая структура коренных малочисленных народов Российской Федерации по данным Всероссийской переписи населения 2020 г. С использованием методов статистического и кластерного анализа выявлены типологические группы народов по сходству демографических характеристик. Выделены два четко различающихся демографических типа: кластер I с преобладанием молодого населения и кластер II с преобладанием лиц старших возрастов. Приведены количественные показатели и отличительные особенности каждого типа. Сделаны выводы о демографической устойчивости одних групп и рисках депопуляции других, предложены направления дальнейших исследований и меры поддержки коренных малочисленных народов.

Ключевые слова: демографическая структура, возрастной состав, воспроизводство населения, депопуляция, этнические группы

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Поступила в редакцию 13.01.2026; принята к публикации 25.02.2026.

Для цитирования:

Накисбаев Д.В., Ситковский А.М. Демографическая типология коренных малочисленных народов России: кластерный анализ возрастной структуры // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2026. Т. 13. № 1. С. 86–95. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2026-13-1-86-95> EDN: RWXRVZ

Demographic typology of indigenous peoples of Russia: cluster analysis of age structure

Dmitry V. Nakisbaev¹ , Arseniy M. Sitkovskiy²

¹RUDN University, Moscow, Russian Federation

²Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

 omnistat@yandex.ru

Abstract. This study analyzes the age and sex structure of indigenous peoples of the Russian Federation based on data from the 2020 All-Russian Population Census. Using statistical and cluster analysis methods, typological groups of peoples based on similar demographic characteristics are identified. Two clearly distinct demographic types are identified: Cluster I, with a predominantly young population, and Cluster II, with a predominantly older population. Quantitative indicators and distinctive features of each type are presented. Conclusions are drawn regarding the demographic resilience of some groups and the risks of depopulation in others, and areas for further research and measures to support indigenous peoples are proposed.

Keywords: demographic structure, age composition, population reproduction, depopulation, ethnic groups

Conflicts of interest. The authors declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 13.01.2026. The article was accepted on 25.02.2026.

For citation:

Nakisbaev DV, Sitkovskiy AM. Demographic typology of indigenous peoples of Russia: cluster analysis of age structure. *RUDN Journal of Public Administration*. 2026;13(1):86–95. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2026-13-1-86-95> EDN: RWXRVZ

Введение

Изучение демографического развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (КМНС) имеет особую актуальность, так как динамика их численности и структура населения служат индикаторами социально-демографической устойчивости регионов их проживания [1. С. 138]. Начиная с 2019 г. наблюдается рост внимания исследователей к данной тематике как на федеральном уровне, так и на уровне отдельных регионов [2. С. 165]. Анализируются как общие тенденции численности и воспроизводства этих народов, так и специфические особенности возрастной структуры, брачности, миграции и других показателей [3. С. 174].

По официальным данным Всероссийской переписи населения 2020 г., совокупная численность 40 официально признанных

КМНС составила около 262,6 тыс. человек, что на 5 тыс. больше, чем в 2010 г. [4. С. 7]. Однако прирост распределился неравномерно: увеличение численности продемонстрировали лишь 14 из 40 этносов, главным образом относительно более крупные по численности группы, тогда как большинство более малочисленных народов за межпереписной период сократились [4. С. 8]. К 2020 г. доля городского населения среди КМНС оставалась сравнительно невысокой и для большинства групп преобладало расселение в сельской местности и местах традиционного проживания [2. С. 170]. Тем не менее отмечаются существенные межэтнические различия в демографической ситуации: одни народы все еще характеризуются относительно благополучным естественным приростом и молодым возрастным составом, тогда как у других наблюдается старение населения, связанное с многолетним спадом рождаемости и усиленной ассимиляцией молодежи [1. С. 143; 3. С. 180].

В научной литературе подчеркивается, что естественный прирост является основным фактором воспроизводства численности коренных малочисленных народов, поскольку миграционный приток практически отсутствует [1. С. 140]. Так, ряд северных этносов (например, ненцы, эвенки, долганы) сохраняют относительно высокие коэффициенты рождаемости и продолжающийся рост населения, чему во многом способствуют традиционный уклад жизни и поддержка на государственном уровне [3. С. 178]. Одновременно другие группы (например, вепсы, ижорцы, сету), проживающие в европейской части России и численно очень малые, напротив, испытывают естественную убыль и острое старение: среди них крайне низкая доля детей и молодежи, преобладают лица пенсионного возраста, что угрожает их дальнейшему существованию [2. С. 175]. Обобщение разрозненных демографических показателей в типологическом ключе представляет научный интерес и практическую значимость для выработки дифференцированных мер поддержки.

Цель исследования — выявить типы возрастной (половозрастной) структуры среди коренных малочисленных народов России на основе данных переписи населения 2020 г. и проанализировать характеристики каждого типа с точки зрения демографической устойчивости.

Материалы и методы исследования

Анализ выполнен на основе данных Всероссийской переписи населения 2020 г. по распределению населения по национальности, полу и возрасту. В выборку включены все этносы, относимые официально к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ (в соответствии с законодательным перечнем), а также некоторые другие малочисленные этнические группы, близкие к ним

по численности и образу жизни¹. По каждому народу учитывались данные по всей России и основным регионам их проживания (для учета региональных различий). Всего рассмотрено 42 этноса и более 100 территориальных групп (этнос-регион).

Для каждого этноса рассчитывались обобщающие демографические показатели: доля детей (0–14 лет), доля лиц старше трудоспособного возраста (60 лет и старше), медианный возраст, коэффициенты соотношения полов и др. В частности, индекс старения населения определялся по формуле

$$AI = \frac{P_{65+}}{P_{0-14}} \times 100\%, \quad (1)$$

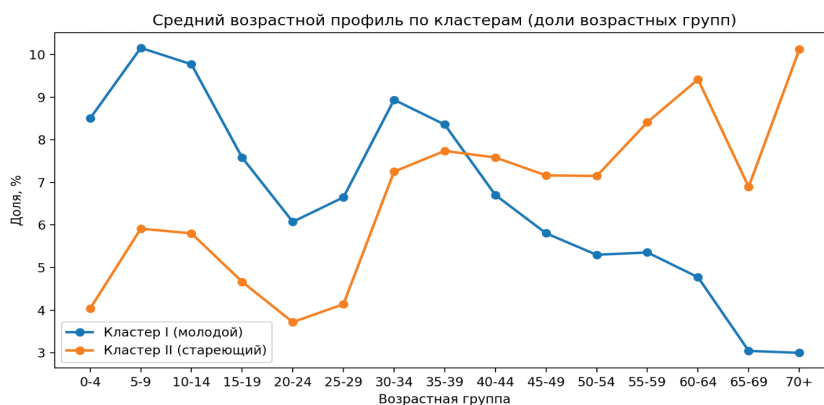
где P_{65+} — численность населения в возрасте 65 лет и старше; P_{0-14} — численность детей в возрасте 0–14 лет. Значение AI показывает, сколько пожилых людей приходится на 100 детей; превышение 100% свидетельствует о преобладании старших возрастов над младшими. Кроме того, рассчитан коэффициент демографической нагрузки на трудоспособное население как отношение суммы численности детей и пожилых к численности населения трудоспособного возраста (принято 15–59 лет) на 1000 человек трудоспособного возраста. Этот показатель отражает степень нагрузки на экономически активную часть населения.

Для выявления типологии применена процедура кластерного анализа. На первом этапе исходные показатели возрастной структуры (доли населения в пятилетних возрастных группах) стандартизировали и сведены методом главных компонент к двум интегральным факторам, отражающим общие вариации в возрастных профилях. Далее с использованием метода k -средних все наблюдения (этнические группы с учетом регионов) были сгруппированы в кластерные объединения по схожести их возрастной структуры. Оптимальное число кластеров определялось исходя из максимального различия между группами и интерпретируемости полученных сегментов. В результате выделено два устойчивых кластера, различающихся по характеру возрастной пирамиды и связанным демографическим параметрам.

Результаты исследования

Кластерный анализ разделил малочисленные народы на две четкие группы (условно именуемые кластер I и кластер II). Их демографические профили существенно различаются (рис.). Кластер I характеризуется молодой возрастной структурой, тогда как кластер II — стареющей (старой) структурой населения. В таблице приведены ключевые показатели для каждого кластера.

¹ Помимо 40 официальных групп КМНС в анализ включены, например, абазины, нагайбаки, шапсуги и др., не относящиеся к КМНС Севера, но имеющие малую численность и схожие проблемы развития.

Распределение населения по основным возрастным группам в кластерах I и II

Источник: выполнено Д.В. Накисбаевым, А.М. Ситковским по данным Росстата² с помощью Python по описанной в статье методике.

Таблица демонстрирует, что в среднем по кластеру I почти 28% населения составляет молодежь 0–14 лет, тогда как пожилые (60 лет и старше) — лишь около 11%. Напротив, в кластере II доля детей не превышает 16%, а доля лиц старших возрастов достигает 26%. Медианный возраст отличается более чем на 15 лет: около 30 лет для кластера I против \approx 45 лет для кластера II. Индекс старения в кластере I имеет низкое значение (менее 50%, т.е. пожилых в несколько раз меньше, чем детей), а в кластере II превышает 100%, что указывает на численное преобладание пожилых над детьми. Коэффициент демографической нагрузки на трудоспособных в обоих кластерах находится в диапазоне 740–830‰, что отражает высокую иждивенческую нагрузку, однако структура нагрузки разная: в первом кластере большую часть нагрузки дают дети, во втором — пожилые.

Основные демографические показатели по выделенным кластерам (средние значения)³

Кластер	Доля 0–14 лет, %	Доля 15–59 лет, %	Доля 60+ лет, %	Медианный возраст, лет
I молодой	28,4	60,8	10,8	30,5
II стареющий	15,7	57,8	26,4	44,8

Источник: составлена Д.В. Накисбаевым, А.М. Ситковским по данным Росстата⁴ с помощью Python по описанной в статье методике.

² Таблица 21. Население коренных малочисленных народов Российской Федерации по возрастным группам и полу // Итоги ВПН-2020. Т. 5. Национальный состав и владение языками. Росстат, 2022. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab21_VPN-2020.xlsx (дата обращения: 28.12.2025).

³ Кластер I включает 80 территориальных групп (этнос-регион), кластер II — 25 групп. Доля возрастных категорий и медианный возраст рассчитаны на основе данных переписи 2020 г.

⁴ Таблица 21. Население коренных малочисленных народов Российской Федерации по возрастным группам и полу // Итоги ВПН-2020. Т. 5. Национальный состав и владение языками. Росстат, 2022. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab21_VPN-2020.xlsx (дата обращения: 28.12.2025).

К кластеру I (молодому) относятся преимущественно народы, сохранившие относительно высокую рождаемость и естественный прирост. В эту группу вошли все крупнейшие по численности коренные малочисленные народы: ненцы, эвенки, эвены (ламуты), чукчи, долганы, нанайцы (основное ядро в Хабаровском крае) и др. — в основном этносы Севера Сибири и Дальнего Востока. Общим для них является то, что значительная часть населения проживает в традиционных сельских поселениях, где сохраняются многодетные семьи и более низкая средняя продолжительность жизни компенсируется высоким удельным весом молодых возрастов. Например, по данным переписи, численность эвенков в России продолжала расти и среди них доля детей значительно превышает долю пожилых [3. С. 181]. Для народов кластера I характерен медианный возраст около 30 лет и умеренный гендерный дисбаланс: соотношение полов близко к равновесному (90–95 мужчин на 100 женщин в среднем), что типично для относительно молодого населения.

Кластер II (стареющий) объединяет группы с низкой рождаемостью, стагнацией или убылью численности и выраженным старением. Сюда попали прежде всего самые малочисленные и/или ассимилированные народы: такие как вепсы, ижорцы, сету, шапсуги, негидальцы, саамы, чулымцы, телеуты, тубалары, камчадалы и некоторые другие. Общий знаменатель — очень малая общая численность (нередко сотни или первые тысячи человек) и высокая доля пожилых за счет того, что молодое поколение либо малочисленно, либо уходит в более крупные этносы через межэтнические браки и миграцию. У народов кластера II медианный возраст превышает 40 лет, а соотношение полов смещено в сторону преобладания женщин, особенно в старших возрастах (что характерно для общей тенденции феминизации старшего населения). Например, по оценкам, среди вепсов и ижорцев доля лиц старше 60 лет составляет свыше четверти, тогда как детей — менее одной десятой (по данным переписей и исследований, см. [2. С. 172]). Эти группы оказались демографически уязвимыми: наблюдается естественная убыль населения (смертность превышает рождаемость), а небольшое число рождающихся детей не обеспечивает простого замещения поколений.

Таким образом, кластерный подход четко разделил малочисленные этносы на «демографически благополучные» и «демографически неблагополучные». Следует отметить, что границы между кластерами в некоторой степени условны. Внутри каждого наблюдается вариативность: например, часть народов кластера I уже близки к состоянию переходной структуры (например, манси и ханты — их средний возраст растет из-за влияния урбанизации), а некоторые группы кластера II еще сохраняют очаги с более молодым населением (например, тофалары и нанайцы Приморья имеют несколько более высокий удельный вес молодежи по отдельным поселениям, несмотря на общее старение). Тем не менее, в целом разделение на два типа прослеживается явно.

Обсуждение

Полученные результаты соответствуют имеющимся в литературе сведениям о дифференциации демографического развития коренных малочисленных народов. Ранее отмечалось, что среди этих народов есть группы, демонстрировавшие рост численности в постсоветский период (за счет сохранения высокой рождаемости и этнической реидентификации части населения), и есть группы, численность которых сокращается из переписи в перепись (в основном вследствие ассимиляционных процессов и отрицательного естественного прироста) [2. С. 169; 4. С. 8]. Наш анализ подтвердил это, предложив формализованное разделение на две категории.

Кластер I включает этносы, которые, несмотря на социально-экономические изменения, сумели в целом сохранить традиционную модель воспроизводства. Для них характерны относительно высокие суммарные коэффициенты рождаемости (близкие к среднероссийским или выше), более низкий средний возраст матерей при рождении детей и большая средняя величина семьи [1. С. 142]. Например, у народов Крайнего Севера — ненцев, чукчей, эвенков — в 2010-х гг. наблюдался естественный прирост, а среднее число детей на одну женщину оставалось около 2 и более (что обеспечивает воспроизводство населения) [3. С. 181]. Кроме того, у многих из них отмечается приток молодежи в этническую категорию за счет возрождения интереса к родной культуре и самосознанию (случаи, когда потомки смешанных браков начинают идентифицировать себя с малочисленным народом). Все это способствует тому, что возрастная пирамида у данных народов пока близка к расширяющемуся типу (большая база молодых и сужающаяся вершина старших возрастов).

В кластере II, напротив, проявляются последствия демографической модернизации и ассимиляции. Большинство этих народов еще в советский период перешло к узкому типу воспроизводства (низкая рождаемость, малая доля детей) на фоне массового оттока молодежи в города или в состав крупных народов (русских, якутов, татар и др.) через брак и изменение идентичности [2. С. 176]. Как результат, уже к началу 2000-х гг. у них сформировалась регрессивная возрастная структура — узкая основа пирамиды (мало детей) и широкая верхушка (много пожилых). Наши данные 2020 г. показывают дальнейшее усиление этого тренда. В подобных условиях даже относительно невысокая смертность (характерная для ассимилированного населения, проживающего в основном в районах с развитой инфраструктурой) не спасает от убылых тенденций — просто потому, что молодого пополнения недостаточно [5]. Примером может служить народ ижорцы в Ленинградской области: по переписи 2020 г. их всего около 200 человек, из них более половины — старше трудоспособного возраста; рождаемость в ижорских поселениях почти нулевая, что означает неизбежное исчезновение ижорцев как отдельной демографической категории в ближайшие десятилетия (по сути, останутся лишь потомки с частичной ижорской родословной, уже отнесенные к другим народам).

Важно подчеркнуть, что географический фактор и степень сохранения традиционного уклада играют большую роль. Народы кластера I в большинстве своем проживают в труднодоступных районах Севера и Сибири, где, несмотря на проблемы, сохраняется традиционное природопользование и полукочевой образ жизни (оленоводство, рыболовство, охота). Это способствует более высокому репродуктивному поведению (большее число детей в семьях) и несколько более низкой урбанизации. Напротив, группы кластера II зачастую проживают либо в относительно урбанизированных регионах (Северо-Запад, Урал), либо расселены мозаично среди крупных народов, что ускоряет их демографическое сжатие. Тем не менее, некоторые северные этносы также сталкиваются с угрозой старения — например, саамы Кольского полуострова (кластер II) испытывают отток молодежи и низкую рождаемость, хотя географически относятся к Крайнему Северу. Это говорит о том, что не только география, но и исторические условия (численность, контакты с внешним миром, политика) определяют демографический тип.

В целом, выявленные типы соответствуют категориям «демографически благополучные» и «демографически проблемные» малочисленные народы. Подобная типология созвучна выводам других исследований, где выделяются группы с относительно стабильным ростом населения и группы с явной депопуляцией [4. С. 182]. Новизна нашего подхода — в применении кластерного анализа для формализации этих различий и в количественном подтверждении разрыва между типами.

Заключение

Коренные малочисленные народы России по состоянию на начало 2020-х гг. разделяются на два полярных демографических типа. Первый тип — народы со все еще молодой структурой населения и относительным естественным приростом (несмотря на небольшую численность, эти группы воспроизводят свое население благодаря высокой рождаемости и низкой средней продолжительности жизни, удерживающей долю пожилых невысокой). Второй тип — народы со стареющим и сокращающимся населением, для которых характерны низкая рождаемость, малая доля молодежи и преобладание пожилых, что ведет к депопуляции.

Применение кластерного анализа позволило количественно подтвердить наличие этих типов и отнести конкретные этнические группы к тому или иному типу. Полученные результаты имеют практическую значимость: демографически «молодым» народам (тип I) необходима поддержка, ориентированная на закрепление достижений — обеспечение доступности образования, здравоохранения и рабочих мест для молодого населения в местах традиционного проживания, чтобы сохранить позитивные тенденции воспроизводства. В то же время для демографически «стареющих» народов (тип II) требуются экстренные меры, направленные

на сохранение этноса: стимулирование рождаемости (например, программы поддержки молодых семей именно данной этнической принадлежности), развитие культурной автономии, фиксация и популяризация языкового и культурного наследия, привлечение внимания общественности к проблемам этих народов. Несмотря на малочисленность, каждый из этих этносов уникален и представляет ценность для культурного и этнического многообразия страны.

Перспективы дальнейших исследований заключаются в углубленном анализе факторов, влияющих на демографические типы. В частности, интерес представляет роль уровня социально-экономического развития регионов, доступности инфраструктуры, миграционных процессов и степени сохранности традиционной культуры в формировании того или иного типа возрастной структуры. Также целесообразно провести мониторинг динамики: сравнение с данными предыдущих переписей (2002, 2010 гг.) и отслеживание изменений в будущем, что позволит выявить, сохраняется ли разделение на типы или происходит трансформация (например, переход некоторых народов из первого типа ко второму по мере старения).

Безусловно, демографическое благополучие коренных малочисленных народов — важная составляющая их общего выживания и развития. Выявление проблемных зон (народов группы риска) должно сопровождаться адресными мерами государственной поддержки, включая улучшение медицинского обслуживания пожилых в малых поселениях, создание условий для повышения рождаемости и уменьшения оттока молодежи. Сохранение этих малочисленных народов — не только вопрос культурного наследия, но и показатель успешности национальной политики в сфере обеспечения устойчивого развития малых этносов в многонациональной стране.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Логинов В.Г.* Коренные малочисленные народы Севера: динамика и особенности воспроизводства // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник НИЦ корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2019. № 1. С. 136–149. <https://doi.org/10.34130/2070-4992-2019-1-136-149> EDN: CQISVU
2. *Копцева Н.П., Шишацкий Н.Г., Брюханова Е.А.* Динамика численности и особенности современной системы расселения коренных малочисленных народов Севера в арктической зоне Красноярского края // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2023. Т. 16. № 2. С. 164–183. EDN: UUJJUX
3. *Ростовская Т.К., Плеханова Л.В., Ситковский А.М.* Особенности демографического развития коренных малочисленных народов Севера ХМАО в период 2002–2022 гг. // Вопросы истории. 2023. № 9–1. С. 172–187. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202309Statyi16> EDN: OCPEER
4. *Фаузер В.В., Калиева С.А.* Коренные народы российского Севера и Республики Казахстан // Актуальные проблемы, направления и механизмы развития производительных сил Севера — 2024 : сб. статей Девятой Всеросс. науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (18–20 сентября 2024 г., Сыктывкар) : в 2 частях / отв. ред. Л.А. Попова, И.Н. Бурцев. Воронеж : Строки, 2024. Ч.1.С. 86–93.

5. Ситковский А.М. Влияние государственной политики агломерирования на долгосрочные тенденции изменения численности населения России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2025. Т. 12. № 3. С. 375–385. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2025-12-3-375-385> EDN: BMRMLM

Информация об авторах:

Накисбаев Дмитрий Владимирович — кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления, Российский университет дружбы народов, 117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6 (ORCID: 0000-0002-0600-7639) (SPIN-код: 3491-0783) (e-mail: nakisbaev-dv@rudn.ru).

Ситковский Арсений Михайлович — младший научный сотрудник Центра изучения рождаемости, брачности и семьи, Институт социальной демографии, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Российская Федерация, 119333, Москва, ул. Фотиевой, д. 6 к. 1 (ORCID: 0000-0002-8725-6580) (SPIN-код: 9559-1803) (e-mail: omnistat@yandex.ru).